

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

УРАЛЬСКИЙ СУБСТРАТ В ТОПОНИМИИ ВОЛГО-КАМЬЯ. К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФИННО-УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ

Вопрос об уральском субстрате в топонимии Волго-Камья до сих пор окончательно не решен. Затрудняют исследование его как недостаточная и крайне неравномерная изученность этнокультурных взаимосвязей финно-угров и самодийцев, так и сложность самой проблемы этногенеза уралоязычных народов, имеющих наряду с общими чертами весьма значительные расхождения, обусловленные территориальной разобщенностью, тесным общением с неродственными народами и родоплеменными группами, а также влиянием различных древних субстратов на их диалекты и последующей дивергенцией в процессе их самостоятельной эволюции. К тому же этнический состав Волго-Камья весьма разнообразен не только в антропологическом отношении, но и в языковом.

Сложность проблемы этногенеза народов уральской расы послужила основанием для различных предположений, недостаточно убедительных и достоверных, а подчас явно ошибочных. Безусловно, новые гипотезы об этногенезе финно-угров и самодийцев интересны для уралистики, но строить их следует, по-видимому, с учетом данных различных наук (этнографии, археологии, социальной и культурной антропологии, демографии, лингвистики, социологии и т.д.).

Этнические процессы Волго-Камья проходили сложно (Куклин 1995а : 86), поэтому в ономастиконе региона наряду с автохтонными топонимами встречаются разноязычные вкрапления, нередко даже экзотические, смысловое содержание которых на материале современных языков народов Волго-Камья не поддаются объяснению.

В этой связи заслуживают внимания древние топонимы, анализ которых, как справедливо подчеркивает А. П. Дульзон, затруднен, поскольку в современном виде они представляют собой не просто результат различных напластований или наслоений на некое древнее ядро, которое можно было бы выявить, сняв эти напластования, — древние топонимы нередко полностью модифицировали свой облик в результате ряда сложнейших изменений — путем отсечения тех или иных частей, скращения слова с другим инородным (гибридизация), субституции звуков первоначального языка звуками последующего, новой морфологизации слова в соответствии со строем нового языка, более или менее полного переосмысления старого названия или его частей (Дульзон 1950 : 175).

К разряду реликтовых географических названий Волго-Камья относятся топонимы угро-самодийского происхождения, разгадка которых закодирована многовековыми изменениями их фонетического облика и преобразованиями смыслового содержания. Вопрос об угорском субстрате в топонимии Волго-Камья привлекает внимание лингвистов с давних пор (см. Куклин 1990 : 118—123), причем попытки отдельных ученых установить угорские элементы в топонимиконе северной и средней полосы Восточной Европы скептически оценивались или вообще опровергались последующими исследователями. Вопрос же о самодийском субстрате в топонимах Восточной Европы прямо вообще не ставился. Правда, некоторые исследователи, осмысливая происхождение древних гидронимов Волго-Камья, в частности речных названий Республики Марий Эл, не обошлись без фрагментарных обращений к самодийским языковым данным (Галкин 1991 : 38, 96—97, 128).

Первым мысль об угорской топонимии в северной и средней России высказывал и пытался обосновать Д. Эуропеус (Европеусъ 1868; 1872; 1874): «... до-русскія названія мѣстностей, встрѣчающіяся въ сѣверной и средней Россіи отъ Ледовитаго океана до рѣки Оки и до городовъ Витебска и Полоцка, большею частью югорскаго или угорскаго происхоженія, то-есть, принадлежать языку прадрѣдовъ нынѣшнихъ Венгровъ, или Мадьяровъ, Вогуличей и Остяковъ» (Европеусъ 1868 : 58). Он считал необходимым вычленение из структуры топонимов однотипных окончаний, присущих, по его мнению, угорским языкам, и объяснение семантики топоосновы. В качестве иллюстрации можно привести примеры: исходной формой речного названия *Вычегда* Д. Эуропеус считает композиту *Вытшагет*, где *выт* 'вода', *шагет* 'рукав', т.е. 'водяной рукав; приток, изобилующий водой'. Гидроним *Вологда* возводится им к форме *Водшагет* 'зверь-приток'. К окончаниям, весьма продуктивным в гидронимообразовании, как он замечает, относятся *-егда*, *-огда* (*Вычегда*, *Печегда*, *Вологда*, *Судогда*) с вариантами *тагет* (в хантыйском), *тагил*, *тагул* (в мансийском), восходящими к древнеуг. *таит*, образованному из более древнего *шагет*, *шагеш* 'рукав'; *-шера* (*Вышера*, *Нившера*); *-енга* (*Латшенга*, *Мехренга*, *Нименга*) и др. Существенной задачей исследования угорских следов в топонимии Восточной Европы было, видимо, и вычленение по возможности всех примеров угорского типа. Так, названий рек с окончанием *-енга* он насчитал в северной России около 339, в Финляндии — 162 (Европеусъ 1868 : 58—71).

Впрочем, указанная работа Д. Эуропеуса кратко охарактеризована А. В. Поповым (1926 : 131—132). Под иным углом зрения рассматривает ее А. И. Туркин, отмечая, что «нельзя отрицать существования в севернорусской топонимике как угорского, так и других пластов уральского типа» (1967 : 26—28).

А. В. Попов анализирует еще две работы Д. Эуропеуса (Европеусъ 1872; 1874). Он отмечает, что в первой Д. Эуропеус подтверждает принадлежность угорскому языку окончаний *уга*, *юга*, *ого*, *его* и явное сходство с ними фин. *joki*, саам. *joga*, хант. *jeaga*, *joga*, манс. *je*, *ja*, коми3 *ju* 'речка'; во второй дает список 36 угорских окончаний топонимов в Финляндии, северной и средней России (Попов 1926 : 132).

Не отрицая в целом сущности постулируемой Д. Эуропеусом тезы, следует заметить, что географические названия средней и северной Восточной Европы рассматриваются им исключительно сквозь призму угорских языков, привлечение лингвистических данных языков финской ветви сведено до минимума, а элементы, имеющие параллели в самодийских языках, упускаются

из поля зрения. Так, компонент *-енга* в гидронимах *Печенга*, *Успеченга*, *Печеиенгъ* возводится им к угорским источникам: «*Печеиенгъ* значить по остячки сосна-вода = сосновая вода, а также и просто *печенг* по остячки и по вогульски значит сосновая» (Европеусъ 1868 : 62). В северной России он считал 11 гидрообъектов с таким названием. Правда, в 1874 году он уверенно сообщает о наличии 15 рек с названием *Печенга*, из них 14 находятся в разных местах северной России, а одна — в северо-западной Финляндии (Европеусъ 1874). Следует добавить, что реки с аналогичным названием встречаются в Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке, например, *Печенга* — один из притоков Енисейского Пита, а также один из средних притоков Алдана (Мурзаев 1974 : 191).

Исходя из этого, надо полагать, что гидролексема *-енга/-еньга* представляет собой прафинно-угорский архаизм, унаследованный из эпохи диалектного развития уральского языка-основы, имевшего непосредственные контакты с диалектами тунгусо-маньчжурских языков. Поэтому в гидролексеме *-енга/-еньга* сибирских названий рек вполне допустимо видеть эвенк. (тунг.) *йэнэ* 'большая река; исток реки' и сельк. **-га/*-ка* 'река' (Куклин 1995б : 190). Здесь уместно привести любопытное высказывание А. П. Дульзона: «Предшественниками кетов на нынешних местах их жительства [на Елогуе и Курейке, притоках Енисея — А. К.] были эвенки, а частью селькупы, что и отразилось в топонимике. Наряду с кетами на Курейке до сих пор проживают эвенки и селькупы, нередки браки между ними» (1962 : 64).

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация географического названия на основе лишь внешних звуковых соответствий всегда оставалась далекой от реальной действительности, а потому и малоубедительной. Анализ даже частных фрагментов, таящихся в семантической плоскости и морфологической структуре реликтового названия, должен учитывать исторические и регионально-этнические обстоятельства, а также влияние языка-субстрата.

Этноисторические процессы на севере Восточной Европы весьма напоминают этнические процессы в Волго-Камье (Куклин 1995а : 86). Так, Л. Н. Жеребцов, ссылаясь на выводы археологических исследований, подчеркивает, что в пределах указанного ареала в период позднего неолита имели место две волны заселения: первая из Прикамья, вторая из более дальнего района — Волго-Окского междуречья. Признавая справедливость такой оценки, он замечает, что топонимические названия бассейнов Печоры и Вычегды на *-ым*, *-им*, *-ум* Б. А. Серебренников относит к «западносибирским», предполагая вторжение их носителей из-за Урала. Вместе с тем им подмечено, что этническая принадлежность западносибирского населения Б. А. Серебренниковым не упомянута. В этом отношении, как далее пишет Л. Н. Жеребцов, показательна работа А. К. Матвеева, считающего указанную топонимику дообскоугорской и полагающего возможность обитания к северу от предков финноугров палеосибирских племен [«палеосибирским», как замечает А. К. Матвеев (1961 : 135), называет дообскоугорское население Зауралья и Западной Сибири А. П. Дульзон — А. К.], языки которых могли быть в какой-то степени родственны древним уральским (Жеребцов 1982 : 19—21). Следует уточнить, что языковая принадлежность дообскоугорской гидронимики, как подчеркивает А. К. Матвеев, пока не установлена; она может восходить к уральским языкам, так как типологически не отличается от уральских (финно-угро-самодийских) топонимов, но возможно, что она связана с не известными нам неуральскими языками палеосибирского происхождения (Матвеев 1961 : 135—136).

А. К. Матвеев акцептирует и другое мнение. В одной из статей он сообщает: «Если рассматривать возможность обитания угров на Русском Севере в принципе, так сказать, теоретически, то, конечно, эту версию совершенно исключить нельзя, но если на Севере и были угры, то не обские, а какие-то особые, впоследствии полностью вымершие» (1982 : 49). По его словам, предположение о былом обитании манси к западу от Урала, о чем довольно решительно писали А. Каннисто (Kannisto 1927 : 57—89) и А. Ф. Теплоухов (1924 : 81—112), не подтверждается фактами. Следует заметить, что следы угров на Западном Урале, Верхней Каме, Верхней Вычегде, Чепце и Среднем Прикамье упоминаются и в других работах (Вишневыский 1960 : 255—169; Петровых 1960 : 275—277; Теплоухов 1960 : 270—274), которые, однако, остались вне поля зрения А. К. Матвеева.

С мнением лингвистов и археологов до известной степени согласуются и высказывания коми фольклориста А. К. Микушева, обратившего внимание на то, что бассейн Вятки и Камы некогда был колыбелью и прапермян, и праугров: после отделения венгров от восточных угров в I тыс. до н.э. последние еще длительное время оставались в Прикамье и только в XII—XIV вв. окончательно переселились в Западную Сибирь, сохранив, однако, историко-культурные контакты с пермьями. Развивая рассуждения лингвистов, он справедливо замечает, что в пермско-угорских языковых контактах четко выделяются два пласта (древний, восходящий ко времени соседства пермян и угров на западных склонах Урала, — до X—XV вв.; более поздний, датируемый временем переселения угров на Обь, — XVI—XIX вв.). Древний пласт, по словам А. К. Микушева, представлен, во-первых, угорскими героическими военными сказаниями, медвежьими песнями и т.н. импровизиционными «песнями судьбы» и, во-вторых, пермским эпосом о Кудым-Оше, о младшем вымском богатыре и чудовище с Шомвуквы, о Медвежонке-батыре, ижемскими лиро-эпическими песнями-импровизациями автобиографического характера. Второй пласт, как он считает, образуют сравнительно более поздние эпические песни и сказания о Кироне, Пере-богатыре, Идне-батыре. По его мнению, близок к ним, несмотря на свои архаические истоки, севернокоми ижмоколвинский эпос, возникший в XVI—XIX вв. на пересечении угро-самодийско-пермских фольклорных традиций (Микушев 1981 : 7—8).

Таким образом, существует достаточно оснований говорить о наличии угорских топонимов к западу от Урала. А некоторые географические названия Волго-Камья объясняются лишь на материале угорских языков (Куклин 1990 : 120—123). Кроме того, в отдельных названиях наряду с угорскими усматриваются и самодийские лексические элементы. Поэтому следует полагать, что в их формировании определенную роль сыграл самодийский языковой субстрат. Так, названия рек Большой и Малой Юнги, мар. *Кого Йынгы* и *Арийнгы*, правых притоков Волги на территории Горномарийского р-на Марий Эл, обычно отождествляют с хант. *йынк* 'вода' (Галкин 1991 : 146), ср. манс. *вить* 'вода' (Кузакова 1994 : 47). Судя по семантике и внешнему сходству, эти названия генетически более совместимы с нен. *юнко* 'речка; короткая протока', что позволяет сделать вывод об их уральском происхождении (Куклин 1995а : 96).

Достоверность интерпретации топонима зависит от того, насколько точно определена языковая реальность прошлого на культурно-историческом фоне исследуемого региона. Процедуру семантической реконструкции лексемы значительно облегчает информация из различных источников (археологических, этнографических, фольклорных), которые нередко указывают исследователю прямой путь к истине. Практика этимологических изысканий сви-

детельствует и о том, что семантическая реконструкция реликтовой лексики менее убедительна или даже ошибочна, если игнорируется реальная историко-культурная ретроспектива употребления слова и сужается круг сопоставляемых лексем. Несоблюдение исторической перспективы в определении генетических истоков тополексемы, воссоздании ее стертой исходной семантики и интерпретации современного ее функционирования в топонимической системе Волго-Камья, как правило, ведет исследователя к анахронизмам и даже выводам, которые никак не согласуются с подлинной лингвистической картиной прошлого региона. Недоразумения порождают попытки отдельных исследователей игнорировать уральский языковой субстрат или проецировать в финно-пермское языковое состояние элементы лексической системы самодийских языков.

Сказанное можно проиллюстрировать примером. Отгидронимный ойконим *Шор-Уньжа* (мар. *Унчо*) Д. Е. Казанцев считает пермским по происхождению. Препозитивный компонент ойконима он справедливо сопоставляет с комиЗ *шор* и удм. *шур* 'ручей', а во втором компоненте легко устанавливает комиЗ *удж* 'нельма' (ср. манс. *иш* 'нельма'), обращая при этом внимание на неслучайность соответствия марийского инлаутного сочетания *-нч-* комиЗ *-дж-* в генетически связанных словах: мар. *вончаш* 'переходить' — комиЗ *вуджны* 'переправиться, перейти'; мар. *йончаш* 'сочиться, просачиваться' — комиЗ *йиджны* 'всасываться, впитаться; просачиваться' (Казанцев 1985 : 39).

Однако, принимая во внимание неоднородность рефлексии финно-угорского консонантного сочетания *-нч-* в марийском и коми языках, трудно предположить здесь строго закономерное явление. Кроме того, изменение **-нч-* в коми языке в большинстве случаев сопровождалось дизерезой сонанта *n* с последующим озвончением аффрикаты *č*. В определенном круге слов инновационная аффриката *ž* вследствие утраты аффрицирующего (смычного) элемента превратилась в *ž*.

На почве марийского языка изменение инлаутного сочетания **-нч-* происходило в двух основных направлениях: 1) упрощение до одинарного звука вследствие устранения сонанта *n*; 2) озвончение аффрикаты под действием контактной прогрессивной ассимиляции — характерное явление для многих диалектов. Например: мар. *кйч*, коми *гыж*, морд. *кенже* 'ноготь'; ф.-у. **čepč* 'утка' > коми *чөж*, диал. *čež*, эрз. *шенже* 'дикая утка' (ОФУЯ 417); ф.-у. **rače- ~ *rače-* 'открывать, отворять', марГ *пачаш*, марЛ *почаш*, мордЭ *панжомс*, мордМ *панжемс* 'открыть', хант. *рипч-* (ОФУЯ 418); мар. *вонч-* [*vonž-*] (ОФУЯ 145); морк.-серн. *пүн'чө*, *пүн'джө*, КУ, волж. *пүн'джө*, марГ *пйнжй* 'сосна', комиЗ *пожөм* 'сосна' < ур. **repčä / *rečä* 'сосна' (Терентьев 1979 : 160).

Приведенные примеры убеждают в неправомерности сопоставления генетически не связанных друг с другом лексем *Уньжа* (*Унчо*) и комиЗ *удж* 'нельма'. Ключ к установлению происхождения гидронима *Уньжа* дают его западносибирские двойники, например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: *Унжа*, левый приток р. Каилка; *Квенал-унжа*, правый приток р. Пайдугина, *Пуныл-ундж*, левый приток р. Чижалпа, где модифицированное русским языком *унжа* восходит к сельк. *унджь* 'ручей, речка' (Беккер 1970а : 16—18). По наблюдениям Э. Г. Беккер, в карасинском диалекте селькупского языка оно бытует в форме *унджа*, у тымских селькупов — *унджь* (1970б : 10). Судя по приведенным материалам, гидроним *Уньжа* (мар. *Унчо*), безусловно, имеет генетические связи с селькупским словом, что свидетельствует о его архаичном, субстратном характере.

Для воссоздания лингвистической реальности, в условиях которой возник топоним *Шор-Уньжа* (Моркинский р-н Марий Эл), интерес представляют сведения о Шоруньжинском могильнике, к сожалению, недостаточно систематизированные. Так, руководствуясь соображениями археолога Г. А. Архипова, Д. Е. Казанцев утверждает, что по типам азелинских находок от него существенно не отличается Младший Ахмыловский могильник (V—VII вв. н.э.), расположенный недалеко от устья Ветлуги. Поэтому он относит Шоруньжинский могильник к азелинским памятникам (Казанцев 1985 : 39). Однако такой вывод неправомерен. И это прежде всего потому, что в Младшем Ахмыловском могильнике, как замечает Г. А. Архипов, представлены три разнокультурных комплекса вещественных находок. Он конкретизирует: «Азелинцы, по-видимому, имели значительную примесь угорских племен, что выражается в наличии керамики с рамчатым (решетчатым) штампом» (Архипов 1967 : 48). Наконец, говоря об азелинцах, нельзя не упомянуть работу Г. А. Архипова, содержащую противоположный вывод: «материальная культура азелинцев определяется чисто прикамской без примеси других культур финно-угорских племен» (1976 : 106). По мнению археолога М. Г. Ивановой, «памятники азелинской и мазунинской культур рассматриваются в рамках пьяноборской и худяковской культур» (1994 : 39).

Итак, к настоящему времени в археологических исследованиях накопилось много противоречий, побуждающих серьезно усомниться в правильности этнической идентификации многих памятников Волго-Камья и исторической их интерпретации. В контексте сказанного следует отметить и две Шоруньжинские стоянки, открытые В. В. Никитиным в 1988 г. и охарактеризованные им как памятники эпохи мезолита (Никитин, Соловьев 1990 : 36—37, 200). Как показывают археологические изыскания последних лет, памятники периода мезолита занимают обширную территорию Волго-Камья. Так, К. Э. Истомин определил ареал памятников камской мезолитической культуры: бассейн реки Вятки до правобережья Волги на западе, восточная граница — западные склоны Уральского хребта, а северная — Камско-Вятский водораздел, на юге он занимает долину р. Камы и приустьевые части ее левых притоков. Происхождение камской культуры К. Э. Истомин склонен связывать с зауральским субстратом, подчеркивая, что памятники с аналогичным типом инвентаря (микролитическим), но более древним обликом распространены в Среднем Зауралье и Западной Сибири (Истомин 1993 : 15—17).

Следует, кстати, отметить, что этнической принадлежностью Шоруньжинских стоянок никто не занимался. Вероятнее всего, это были стоянки самодийских племен. В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидролексема *Уньжа* (*Унчо*). Позднее самодийцы, видимо, были ассимилированы пермскими племенами. Версию подтверждает тополексема *Шор*, ср. общеперм. *šor 'ручей, поток, течение, река' (КЭСК 322). Диалекты удмуртского языка свидетельствуют о сужении общеперм. *o в и, ср. удм. šur 'большая река, река; речка, ручеек' (Munkácsi 1990 : 503).

Сопоставление гидронима *Уньжа* (*Унчо*) с сельк. *унджа* 'ручей, речка' прояснится, если подкрепить его конкретными примерами, отражающими более или менее универсальные для человеческого общества понятия и составляющими т.н. основной лексический фонд — патронимика, обозначения явлений природы, названия элементов дикой флоры и фауны, личные местоимения, обозначения элементарных действий и т.п. (см. Климов 1990 : 29—30). Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, круг таких лексических соответствий окажется весьма обширным.

Иллюстрацией к предположению об общем происхождении служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых верхних молярах — $hug (3+3) N^3$ — сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах — $сара (2-5) m^1$ — горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) — с удмуртами центральными (45,5). По шестибугорковым формам первых нижних моляров — M_1b — луговые мари (5,5) сближаются с хантами (6,2), коми-пермяками (6,4) и селькупам (6,4). По дистальному гребню тригониды (dtc) весьма близко друг к другу стоят горные мари (13,8), луговые мари (18,2) и селькупы (16,1). Коленчатая складка метакониды (dw) у горных мари — 26,3, саамов Финляндии — 31,3, саамов кольских — 32,7, луговых мари — 40,0, селькупов — 50,0. У остальных групп уральской популяции этот показатель значительно ниже, например, у удмуртов (14,8), манси (17,1), хантов (15,7) (Халдеева 1992 : 35—36).

По предположению В. В. Бунака, «одним из типов, вошедших в весьма давнее время в состав черемисского народа, был тот тип [уральский — А. К.], который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов». «Из прочих типов, — подчеркивает он, — присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит, так называемый, тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках, самоедский тип» (Бунак 1924 : 160—161).

Сложные этногенетические процессы народов уральской расы не позволяют рассматривать созданную топонимическую систему Волго-Камья как результат творчества лишь ныне проживающих там народов, игнорируя ее хронологические срезы и воздействие на нее субстратных, суперстратных и иных явлений. Этимологическая интерпретация гидронимов Волго-Камья невозможна без широких диахронных и синхронных сопоставлений и учета временных и пространственных рамок уральских языков. При сопоставительном картографировании названий речных объектов Волго-Камья выясняется, что некоторые из них имеют параллели в Западной Сибири, например, гидронимы-двойники (см. Куклин 1995а : 90):

Западная Сибирь

Буй, один из истоков р. Шакшы, левый приток р. Болгу — бассейн Лебеди. *Пуу*, левый приток р. Бии (Молчанова 1982 : 37).

Ик, правый приток р. Берди — Новосибирская обл. (Саблина 1968 : 78). *Ик Чёрный*, левый приток Тобола — Зап. Сибирь. *Ик*, левый приток р. Оши — бассейн Иртыша (Мурзаев 1984 : 231).

Волго-Камский регион

Буй, правый приток р. Вятки — Кировская обл., Марий Эл. *Буй*, р. в Уфимской провинции, течет в Белую с правой стороны, другая — в Каму, выше Белой (Татищев 1793 : 200). Ср. марийское название реки Буй — *Пу*.

Ик, левый приток р. Камы — Татарстан. *Ик*, правый приток р. Ая — Белокатайский р-н Башкортостана. *Ик*, правый приток р. Киги — Кигский р-н Башкортостана. *Ик*, руч., правый приток р. Яйвы — Пермская обл.

Ср. также *Ик*, впадающая в озеро Зайсан — Казахстан.

Западная Сибирь

Икса, левый приток Чаи — Томская обл. *Икса*, правый приток Оби — Новосибирская обл. (Саблина 1968 : 79).

Ср. также *Икса*, левый приток р. Тавды — Свердловская обл. (Матвеев 1980 : 104—105; 1987 : 74—75). *Икса*, бассейн Мезени (Мурзаев 1984 : 231).

Кинер, левый приток р. Кондомы — Кемеровская обл. (Мытарев 1970 : 73).

Кукша, руч., левый приток р. Томи (Мытарев 1970 : 93).

Она, приток р. Уды — Селенги. *Она*, правый приток р. Абакана.

Река *Бирюса* (бассейн Ангары) в нижнем течении носит название *Она* (Мельхеев 1986 : 104). Ср. также *Она*, правый приток Мезени.

Сума, приток р. Чулым (Саблина 1968 : 87).

Уса, правый приток р. Томи (Мытарев 1970 : 190).

Шегарка, левый приток Оби (Воробьева 1973 : 141).

Большая Шора, левый приток р. Томи (Мытарев 1970 : 29). *Малая Шора*, левый приток Большой Шоры (Мытарев 1970 : 106).

Биография указанных гидронимов заслуживает специального лингвистического исследования, поэтому вопрос об их происхождении остается пока открытым.

Волго-Камский регион

Ир-Икса, правый приток р. Большой Кокшаги — Марий Эл (Янтемир 1926а : 11).

Икша, руч., левый приток р. Ветлуги (Янтемир 1927а : 10). *Икша*, руч. по левую сторону р. Ветлуги (НГ 114)

Кинер, Малмыжский р-н Кировской обл. *Кенэр* (*Кинер*), Арский р-н Татарстана (Арсланов 1995 : 282).

Кукша, руч., левый приток р. Рутки (Янтемир 1926в : 11).

Она, левый приток р. Лаж — Марий Эл (Янтемир 1927б : 9). *Она*, левый приток р. Немды — Марий Эл (Янтемир 1929 : 8).

Сумка, правый приток Волги — Марий Эл (Янтемир 1927а : 8). *Сумка*, руч., приток Волги — Звениговский р-н Марий Эл (Янтемир 1926б : 8).

Уса, руч. — Мамадышский уезд Казанской губ. (Износковъ 1882 : 48).

Шугарка, левый приток р. Юшут — Марий Эл (Янтемир 1927б : 8).

Шора, левый приток р. Илеть — Марий Эл, Татарстан. *Шора*, правый приток р. Юшут — Марий Эл.

Сокращения

волж. — волжский говор марийского языка; **КУ** — красноуфимский говор марийского языка; **морк.-серн.** — моркинско-сернурский говор марийского языка; **НГ** — Нижегородская губерния. Список населенных мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 года,

Санктпетербургъ 1863; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланов Л. Ш. 1995, О происхождении топонима *Кенэр* (*Кинер*). — Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Йошкар-Ола, 281—283.
- Архипов Г. А. 1967, Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н.э.). — Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23—25 декабря 1965 года), Йошкар-Ола, 36—52.
- 1976, Марийский край в памятниках археологии, Йошкар-Ола.
- Беккер Э. Г. 1970а, О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири. — Языки и топонимия Сибири, вып. 2, Томск, 16—18.
- 1970б, О некоторых селькупских географических терминах. — Языки и топонимия Сибири, вып. 3, Томск, 8—11.
- Бунак В. В. 1924, Антропологический тип черемис (с 18 табл. и мног. рис.). — Русский Антропологический Журнал, т. 13, вып. 3—4, Москва, 137—177.
- Вишневы Б. Н. 1960, Следы угров на Западном Урале. — Труды Камской археологической экспедиции, вып. 3, Пермь (Ученые записки, т. XII, вып. 1), 255—269.
- Воробьева И. А. 1973, Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири, Новосибирск.
- Галкин И. С. 1991, Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края, Йошкар-Ола.
- Дульзон А. П. 1950, Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. — Ученые записки Томского государственного педагогического института, т. VI. Серия физико-математических и естественно-географических наук, Томск, 175—187.
- 1962, Былое расселение кетов, по данным топонимики. — Вопросы географии, сб 58. Географические названия, Москва, 50—84.
- Европеусъ Д. 1868, Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ. — Журналь Министерства Народнаго Просвѣщения, ч. 139. Июль мѣсяць, С. Петербургъ, 55—71.
- 1872, О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бъжець въ Бъжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи. — Журналь Министерства Народнаго Просвѣщения. Декабрь мѣсяць, С. Петербургъ.
- 1874, Оъ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей, Санктпетербургъ.
- Жеребцов Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в., Москва.
- Иванова М. Г. 1994, Истоки удмуртского народа. Учебное пособие, Ижевск.
- Износковъ И. А. 1882, Списокъ населённыхъ мѣсть Мамадышскаго уѣзда (Приложение къ его реферату «О сохранившихсяъ преданіяхъ по поводу названій русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ»), Казань.
- Истомин К. Э. 1993, Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур. — Древние памятники приустьевого Закамья. Материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры Республики Татарстан, вып. 1, Казань, 5—19.
- Казанцев Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев), Йошкар-Ола.
- Климов Г. А. 1990, Основы лингвистической компаративистики, Москва.
- Кузаква Е. А. 1994, Словарь манси (восточный диалект), Москва.
- Ку克林 А. Н. 1990, Угорские элементы в топонимии Марийской АССР. — CIFU VII, Pars 3, 118—123.
- 1995а, К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта *-ga*. — LU XXXI, 86—99.
- 1995б, К вопросу об этимологизации гидронимов на *-енга/-еньга*. — LU XXXI, 188—195.

- Матвеев А. К. 1961. Древнеуральская топонимика и ее происхождение. — Второе Уральское Археологическое совещание при Уральском университете 1—7 февраля 1961 года. Итоги и проблемы изучения археологии Урала, Свердловск (Вопросы археологии Урала, вып. 1), 133—141.
- 1980. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь, Свердловск.
- 1982. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии. — Ономастика Европейского Севера СССР, Мурманск, 49—58.
- 1987. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное, Свердловск.
- Мельхеев М. Н. 1986. Географические названия Приенисейской Сибири, Иркутск.
- Микущев А. К. 1981. Историко-культурные взаимосвязи пермских народов. — Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка), Ижевск, 5—16.
- Молчанова О. Т. 1982. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая, Изд-во Саратовского университета.
- Мурзаев Э. М. 1974. Очерки топонимии, Москва.
- 1984. Словарь народных географических терминов, Москва.
- Мытарев А. А. 1970. От Абы до Яи. Географический словарь Кемеровской области, Кемерово.
- Никитин В. В., Соловьев Б. С. 1990. Атлас археологических памятников Марийской АССР, вып. 1. Эпоха камня и раннего металла, Йошкар-Ола.
- Петровых Ф. И. 1960. Угорская топонимика Среднего Прикамья (с примечаниями проф. В. И. Лыткина). — Труды Камской археологической экспедиции, вып. 3, Пермь (Ученые записки, т. XII, вып. 1), 275—277.
- Попов А. В. 1926. К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии. — Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири, т. 49, вып. 2, Иркутск, 131—140.
- Саблина О. Ф. 1968. Реки. — Природа Новосибирской области, Новосибирск, 73—91.
- Татищев В. Н. 1793. Лексиконъ Россійской исторической, географической, политической и гражданской, ч. I, Санктпетербургъ.
- Теплоухова А. Ф. 1924. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами. — Записки Уральского общества любителей естествознания, т. XXIX, Свердловск, 81—112.
- 1960. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце. — Труды Камской археологической экспедиции, вып. 3, Пермь (Ученые записки, т. XII, вып. 1), 270—274.
- Терентьев В. А. 1979. Ностратические этимологии. — Этимология 1977, Москва, 159—163.
- Туркин А. И. 1967. Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX — начала XX вв. — История топонимии в СССР. Тезисы докладов, Москва, 26—29.
- Халдева Н. И. 1992. Уральская раса по данным одонтологии. — Материалы к антропологии уральской расы, Уфа, 34—50.
- Янтемир М. Н. 1926а. Описание Маробласти. Краснококшайский кантон (С приложением карты кантона), вып. 1, Краснококшайск.
- 1926б. Описание Маробласти. Звениговский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона), вып. 3, Краснококшайск.
- 1926в. [на обложке: 1927], Описание Маробласти. Козмодемьянский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона), вып. 4, Краснококшайск.
- 1927а. Описание Маробласти. Юринский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона), вып. 5, Краснококшайск.
- 1927б. [на обложке: Йошкар-Ола 1928], Описание Маробласти. Сернурский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона), вып. 7, Краснококшайск.
- 1929. [на обложке: 1930], Описание Маробласти. Торъяльский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона), вып. 8, Йошкар-Ола.
- Kanisto, A. 1927. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung. — FUF XVIII, 57—89.
- Munkácsi, B. A. 1990. A votják nyelv szótára. Lexicon linguae Votiacorum (Wörterbuch des Votjakischen) (1890-; 1896) (Reprint), Pécs.

ANATOLIJ KUKLIN (Joškar-Ola)

**DAS URALISCHE SUBSTRAT
IN DER TOPONOMIE DES WOLGA-KAMA-GEBIETS.
ZUM PROBLEM DER ETHNISCH-KULTURELLEN BEZIEHUNGEN
DER FINNOUGRIER UND SAMOJEDEN**

Die Frage des uralischen Substrats in der Toponymie des Wolga-Kama-Gebiets hat noch keine endgültige Lösung gefunden. Die wesentlichen Gründe, die diese Lösung erschweren, sind sowohl das unzulängliche und ungleichmäßige Studium der ethnisch-kulturellen Beziehungen der Finnougrer und Samojeden als auch die Kompliziertheit der Lösung des Problems der Entstehung und Entwicklung der Völker einer Sprachfamilie im Uralgebiet, die neben den gemeinsamen Merkmalen auch bedeutende Unterschiede aufweisen, deren Entstehung wiederum von der territorialen Getrenntheit und den engen Beziehungen mit nichtverwandten Völkern und Gentilstämmen als auch vom Einfluß verschiedener alter Substrate auf ihre Dialekte sowie von der nachfolgenden Divergenz im Prozeß ihrer selbständigen Evolution bedingt ist.

Eine Lösungsfindung ist deshalb kompliziert, weil die ethnische Zusammensetzung des Wolga-Kama-Gebiets nicht nur dem anthropologischen Typ nach, sondern auch in sprachlicher Hinsicht sehr vielfältig ist.

Zu geographischen Reliktbenennungen des Wolga-Kama-Gebiets gehört Toponymie ugrisch-samojedischer Abstammung. Die Flußbenennungen *Большая Юнга*, *Малая Юнга*, mar. *Кого Йынгы* und *Арийынгы*, setzt man z.B. mit chant. *йынк* 'Wasser' gleich. Zieht man aber die Semantik und die äußeren Ähnlichkeiten in Betracht, fällt diese Benennung genetisch mit dem nenizischen Wort *юнка* 'Fluß, Bächlein' zusammen, was auf uralische Abstammung schließen läßt.

Das hydronymische Oikonym *Шор-Уньжа* (mar. *Унчо*) hält D. E. Kazancev für eine Benennung permischen Ursprungs. In diesem Zusammenhang wird die präpositionale Komponente von D. E. Kazancev mit komi *шор* und udm. *шур* 'Bach, Bächlein' zusammengestellt. Die postpositionale Komponente nähert sich komi *удж* (eine Fischart).

Was die zweite Komponente anbetrifft, so reicht sie genetisch bis zum sölkupischen Appellativ *унджь* 'Bach, Bächlein'; vgl. z.B. mit *Унжа* (ein Fluß, Nebenfluß der Kailka). Von der Richtigkeit solcher Zusammenstellungen zeugen nicht nur lexikalische Materialien, sondern auch archäologische und anthropologische Angaben. Eine zusätzliche Illustration wären die Benennungen von Flußobjekten des Wolga-Kama-Gebiets und Westsibiriens.